

Она всегда всех раньше просыпалась,
Теперь всё чаще вовсе не спала, –
Любила те немногие часы
Тишайшие меж вечером и утром
За полное своё уединенье.
Была моложе – истово молилась,
Минувший строго разбирала день.
Теперь вела безмолвную беседу
Не то с собой, не то с самим Творцом.
Пред Господом она не знала страха,
Не сетуя на долю, не скорбя
И помыслов лукавых не имея.
Она Ему служила из любви,
Себя ни в чём, ни грана не жалея,
Не зная, что ещё не отдала
Во славу и величие Господне.
Она, с немалым веком за плечами,
Его своим не видела судьёй –
Он был ей благодетельный Учитель.
В её случались жизни времена,
Когда она о нём не вспоминала,
И не было причины вспоминать, –
Он ею руководствовал всецело
И душу ни на миг не покидал,
Как внутренний живительный источник.
Какие это были времена?

Сродни самой, быть может, преисподней.
Игуменья об этом не расскажет;
Господь – свидетель, хватит и того.
Душа её, бездонная, как море,
Свои воспоминанья при себе
Оставила потопленным ковчегом.

Что помнила она? И дым, и чад.
Земля кругом – громадное горнило,
Где жарко было людям и снегам
Наперекор декабрьским крепким стужам.
Не помнила ни устали, ни боли, –
Никто тогда не помнил, недосуг:
Монголов тьмы по краю горизонта
Как будто вырастали из земли
И вал за валом к монастырским стенам
Лавиной нескончаемой неслись.
Нужны всё чаще кипятки и камни,
Стрел очень скоро стало не хватать,
Самих оборонявшихся всё меньше:
Черница там осела по стене,
Здесь на спину откинулся селянин,
И, стужею объята, коченели...
Игуменья забыла о себе,
Но, словно бы опомнясь, находила
Среди оборонявшихся себя

Бросающей, несущей, подающей.
Ей хитрости военные чужды,
И, происков врагов не разбирая,
Она сражалась, как могла, и знала,
Что только это главное сейчас.
Бесхитростно порою удивлялась,
Что монастырь врагом ещё не взят.
На осторожность в мешанине дел
Секунды не достало: в краткий миг
Она качнулась, стали тяжелы
Свои ей руки, очи помутились;
Последнее, что видела – пожар
Валил, как ярый зверь, гудя и дыбась...

От стужи ли она пришла в себя
Иль оттого, что жгло нещадно руку,
Иль от гнетущей душу тишины...
Одежда на боку корой примёрзла,
Плечо прожгла до кости головня.
Дымились и померкивали угли.
Вороний хриплый одинокий вскрик
Ей без обиняков поведал правду:
Ушли монголы, храмы разорили,
Сколь полегло людей – сама гляди.
Игуменья попробовала встать
И медленно пошла по пепелищу,
Прислушиваясь чутко к тишине.
Заботливо и зорко в небесах
За ней следило пристальное солнце.
Оно, казалось, было сам Господь,
Её шаги тихонько направлявший,
Как мать, дитя учившая ходить.
За ласку света, день и даже боль
Игуменья Его благодарила,
Ведь на Него надеялась, как все,
А получила несравненно больше –
Осталась жить, и быть ей, кем была –
Орудием благой Всевышней воли.
И вот уже ей снова не до боли:
Едва-едва, чуть слышно доносился
Из-под руины стон полуживой...
А дальше... Дальше всё на свете было.
Она себя и раненых лечила;
Сходились к пепелищу одиночки,
Кто как-то дивным случаем спасён.
Искали скудной пищи и приюта,
Ночами согревались у костров.
И строились, и снова обживались.

Её любимый монастырский сад –
Сегодняшняя гордость и отрада –
Был чуть ли не с единого ростка
Взращён её костистыми руками,
И каждую его земли щепоть
Игуменья держала на ладони.
Благоухали розы и пионы,
Боярышник, калина в свой черёд,
И засыпали вишни каждый год
Ей в мае лепестками подоконник.
Высокие и статные соборы,
Чистейший перезвон колоколов, –
Всё это ей как будто в удивленье,
Как будто это вовсе не её
Великое надсадное раденье.
Она так и ответила б теперь –
Нет, не её. Но с Божьим руководством
Всем миром возрождалась благодать...

В июне ночь короткая, не ночь,
А лёгкое предчувствие рассвета,
И год от года всё дороже это,
Задумчивость сложнее превозмочь
И с памятью закончить разговор.
Она о многом не хотела помнить,
Чтоб ненароком боль не разбудить,
Но сердце не давало забывать
Покинутые радости земные
И день, когда для высшего призванья
Она их оставляла навсегда.
Но разве мир ты выбросишь из сердца,
И кто способен вынуть из души
Отца и мать, восторженное детство,
Родился ли под солнцем человек
С такой душой и был угоден небу?..
Давным-давно утраченные годы,
Не бывшие как будто никогда,
Пред памятью игуменьи предстали,
Не возмущая зеркало души.

Во всём ей с детства мнился Божий свет,
Во всём она Его видела благо:
В родителях и ближних домочадцах,
В цветах и звёздах, лете и зиме;
Он был в реке, лугах, грозе июльской,
В лампы немигающем огне,
В сурово скорбных ликах на иконах.
От праздничного пения в церквах

Её сердечко дрожко заходилось:
Уж если твердь земная так красна,
То как же лепо в занебесных высях!..
В слезах бывало, долго перед сном
Она в самозабвении молилась,
Благодаря Его за каждый миг.

Ах, время быстро в радости течёт;
Ей объявили, что она – невеста,
Украдкой показали жениха.
Молоденький, пригожий, чуть не отрок,
От робости неловок и румян.
Она тогда не в шутку испугалась
Своей ещё неведомой судьбы,
Заступничества трепетно просила:
Пусть ласков будет муж и деловит,
Ей норовом отца напоминает
И дарит снисходительно заботой.
Но общей им не выпало судьбы.
Едва обвыкшись в мысли, что невеста,
Она до свадьбы сделалась вдовой.
Весь день она в молчанье у окна
Сидела, ничего за ним не видя,
Не вопрошая небо ни о чём;
Так, значит, надо, такова планида,
Господню волю не дано постичь.
О женихе она погоревала,
Но лёгкою была её печаль:
Призваться ли к вратам небесным худо?
Куда сложней юнице осознать,
Постигнуть меру собственной потери,
Когда и знаешь всё, о чём жалеть,
Но сам себе сочувствовать не можешь...
Потом погиб второй жених. Она
Уже свой жребий ясно сознавала,
Желая страстно Богу послужить
Монашеским раденьем неусыпным.
Мать плакала, упрашивал отец
Повременить, но видел, что напрасно.

А дочь не понимала их печаль,
Ведь где б ни жить, а все ты служишь Богу.
Должны были пройти года, и много,
Чтоб, наконец, родителей понять.
Но полно, пусть летят, как лепестки,
Ненужные уже воспоминанья,
Пускай душа отпустит всё земное,
К небесному готовясь налегке...

Перед рассветом дымка поредела,
Погожий людям предвещая день,
Да вот и птица первая запела,
И через час начнёт светлеть восток.
О, этот час – великий дар и чудо,
Он всё ещё игуменье дарован.
Вот-вот заставит новый солнца свет
Игуменьи плоды трудов земные
Сиять и звоны изливать в ответ.
Но старческое сердце неужели
Не испытает гордости за них?
Всё сущее взывает к ней – смотри:
Колокола, и храмы, и сады
Молитвами твоими и руками
Воссозданы и служат, и живут,
Любуйся же возвышенной красотой.
Но сердце на призыв не отвечает,
Оно давно с отрадой ощущает,
Что всё земное больше не её,
Стал к горним весям путь совсем коротким.
Малиновый затеплился рассвет
И небеса как будто отверзает, –
Так вот они, заветные врата!
Осталось только сделать шаг единый,
И в тот же миг своей рабе Господь
Откроет правду безграничной жизни,
Хотя во всём Он дал уже понять,
Что правда та игуменье известна.